

УДК 101.9 (091) (476)

Н. Н. Ковалёва (Республика Беларусь, Брест)

**ПЕРЕГОВОРЫ В БРЕСТ-ЛИТОВСКЕ ГЛАЗАМИ
УЧАСТНИКА СОБЫТИЙ: ЛЕВ ТРОЦКИЙ
О ПОЗИЦИИ И ТАКТИКЕ СТОРОН**

В статье сопоставляются позиции руководства Советской России, Германии, Австро-Венгрии и представителей Украинской Центральной Рады по вопросу подписания мирного договора, предпринимается попытка выяснить мотивы, которыми руководствовались участники переговоров.

Ключевые слова: переговоры, право наций на самоопределение, мирный договор, революции, большевики, фронт, принципы.

Большевистская партия, идя к власти, обещала решить все вопросы, которые не решило Временное правительство: аграрный, национальный и вопрос о выходе из войны. Троцкий, как один из лидеров партии большевиков, ещё до Октябрьской революции, 17 октября 1917 г., изложил позицию партии по вопросу о возможном заключении мира, давая интервью Джону Риду, американскому журналисту, автору знаменитой книги «Десять дней, которые потрясли мир»: «Первым нашим актом будет призыв к немедленному перемирию на всех фронтах и к конференции всех народов для обсуждения демократических условий мира. Степень демократичности мирного договора будет зависеть от степени революционной поддержки, которую мы встретим в Европе; если мы создадим здесь правительство Советов, это будет мощным фактором в пользу немедленного мира во всей Европе, ибо правительство обратится с предложением перемирия прямо и непосредственно ко всем народам через головы правительств. В момент заключения мира русская ре-

волюция всеми силами будет настаивать на принципе «без аннексий и контрибуций, на основе свободного самоопределения народов» и на создании Европейской федеративной республики...» [1, с.87].

После прихода большевиков к власти именно Лев Троцкий, как нарком по иностранным делам в советском правительстве, обращается к государствам Антанты и государствам Четвертного союза с предложением заключить общий мир. После отказа стран Антанты от переговоров советское правительство соглашается на сепаратные переговоры со странами Четвертного союза, совершая первое отступление от занятой ранее позиции: речь идёт уже не об общем, а о сепаратном мире. Почему Советская Россия соглашается на сепаратные переговоры? На этот вопрос мы находим недвусмысленный ответ в книге Троцкого «Моя жизнь»: «невозможность продолжения войны была очевидна. На этот счет у меня не было и тени разногласий с Лениным» [2, с.365]. Проезжая через линию фронта по дороге в Брест-Литовск, Троцкий констатирует: «окопы почти пусты». Отдавая себе отчет в реальном положении дел, Троцкий в то же время считает возможным надеяться на «революционный отклик в Европе», особенные надежды возлагая на революцию в Германии и осуждая европейскую социал-демократию, которая не видит приближающейся революции: «Эти господа были бесконечно далеки от мысли, что революция через несколько месяцев возьмет их за шиворот и поставит у власти» [2, с. 355]. Во время переговоров в Брест-Литовске Троцкий обращался к правительству Австро-Венгрии с просьбой о поездке в Вену для переговоров с представителями австрийского пролетариата [2, с. 361], пытаясь использовать своё пребывание в Брест-Литовске для того, чтобы пропагандировать идею мировой социалистической революции.

Поэтому он откровенно заявляет, что видит свою задачу в затягивании переговоров: «Затягивание переговоров было

в наших интересах. Для этой цели я, собственно, и поехал в Брест» [2, с. 355]. Троцкий признаёт, что вёл двойную игру: с одной стороны, якобы хотел подписать мирный договор, а с другой – затягивал переговоры, дожидаясь революционного взрыва в Европе. Дипломатия Троцкого сталкивается с дипломатическими уловками профессионального дипломата, статс-секретаря (министра иностранных дел) Германской империи Рихарда фон Кюльмана. «Секрет поведения немецкой дипломатии, – пишет Троцкий, состоял в том, что Кюльман был, по-видимому, заранее твёрдо убеждён в нашей готовности играть с ним в четыре руки. Он рассуждал при этом приблизительно так: большевики получили власть благодаря своей борьбе за мир. Удержаться у власти они могут только при условии заключения мира... Он, Кюльман, возвратит большевикам их революционные формулы в приличном дипломатическом переводе, большевики дадут ему возможность в замаскированном виде завладеть провинциями и народами» [2, с. 357]. Кюльман был уверен, что существование Советской России измеряется неделями, что «надо этим коротким сроком воспользоваться, для заключения «немецкого» мира». Итак, Троцкий затягивает переговоры о мире, Кюльман спешит с их завершением. Отметим, что оба министра иностранных дел, ведя переговоры, не спорят о том, кто победил и кто побеждён, кто кому и сколько должен – оба прикрываются высокими принципами.

Кто действительно ведёт себя по-солдатски прямо, это Макс Гофман – начальник штаба Главнокомандующего Восточным фронтом Леопольда Баварского, представляющий на переговорах германское командование. Гофман занимал крайне агрессивную и неуступчивую позицию, по выражению Льва Троцкого, «несколько раз клал свой солдатский сапог на стол, вокруг которого развёртывались прения» [2, с. 358]. Гофман «нетерпеливо порывался сводить все вопро-

сы к соотношению сил, тогда как Кюльман тщетно пытался миру, построенному на основе военной карты, придать видимость мира, построенного на каких-то принципах» [2, с. 359].

Какие же принципы пытается отстаивать Кюльман? Интересно, что именно немецкая сторона инициирует теоретические прения о национальном самоопределении. «Кюльман, – пишет Троцкий, – хотел, во что бы то ни стало, доказать, что захват Польши, Литвы, Прибалтики и Финляндии со стороны Германии есть не что иное, как форма «самоопределения» этих народов, так как воля их выражается через «национальные органы, созданные... немецкими оккупационными властями» [2, с. 357]. По мнению Троцкого, это объясняет, почему Германия, вначале соглашаясь на переговоры о демократическом мире, вскоре предъявила «волчьи аппетиты» (с 22 декабря уже начались переговоры Центральных держав с Украинской Центральной Радой). Кюльман доказывал, что оккупированные области уже самоопределились в пользу Германии через свои полномочные национальные органы» [2, с. 361]. Но единства по этому вопросу среди представителей дипломатии и немецкого командования не было. Гофман пояснял, что за отсутствием в этих областях полномочных органов не может быть и речи о выводе немецких войск. Доводы были диаметрально противоположными, а вывод одинаков: «немецкие войска не могут быть выведены из оккупированных областей до окончания войны на западном фронте» [2, с. 361]. Таким путём Германия стремилась удержать эти области для усиления своих позиций в борьбе с Антантой.

Кстати, впоследствии Гофман приписывал заслуги в возникновении на территории Российской империи, оккупированной Центральными державами, «независимых государств» себе. Об этом он говорил в интервью британской газете Daily Mail: «Украина и другие государственные об-

разования не более как эфемерное создание... В действительности Украина – это дело моих рук, а вовсе не творение сознательной воли русского народа. Никто другой, как я, создал Украину, чтобы иметь возможность заключить мир, хотя бы с одной частью России...» [3].

Излагая позицию Кюльмана и Гофмана, Троцкий косвенным образом признаёт, что он, как представитель Советской России вообще не поднимает вопрос о самоопределении народов. Напротив, он демонстрирует неприятие этой идеи и величайшее раздражение, несоизмеримое с его недоброжелательным отношением к главам делегаций Германии и Австро-Венгрии, по отношению к членам украинской делегации. «В последний период переговоров, – пишет Троцкий, главным козырем в руках Кюльмана и Чернина явилось самостоятельное и враждебное Москве выступление киевской Рады. Её вожди представляли собою украинскую разновидность керенщины... Чернин подбил украинцев... выступить против советской делегации с открыто враждебным заявлением» [2, с. 362]. Очевидно, таковым Троцкий считает заявление Центральной Рады о том, что власть Совнаркома Советской России не распространяется на Украину, а потому Центральная Рада намерена самостоятельно вести мирные переговоры. Троцкий видит в этом только «лакейство», желание добиться поощрения от представителей Германии и Австро-Венгрии. Но у него есть надежда, что «усердные лакеи скоро будут выброшены за дверь торжествующими господами» [2, с. 363]. Он даже мысли не допускает, что украинская делегация выражает стремления украинского народа.

Похоже, что любые разговоры о самоопределении представляются большевикам в данный момент не просто несвоевременными, а предательскими. Не случайно 17 декабря разгоняется Всебелорусский съезд в Минске, где был поставлен вопрос о создании нового органа власти, и деле-

гаты которого вели речь о белорусской государственности в федеративной связи с Россией, а не об отделении от неё. Позиция же Украинской Центральной Рады трактуется как явно враждебная.

Троцкому остаётся терпеть присутствие украинской делегации, затягивая переговоры. В этом, как он сам признаётся, ему помогают австрийцы: «Австрийцы стали, в свою очередь, затягивать переговоры, когда наткнулись на затруднения со стороны украинской делегации» [2, с. 355] (споры территориального плана из-за Буковины и Восточной Галиции). Как потом стало известно, Оттокар Чернин, занимавший с конца 1916 г. пост министра иностранных дел Австро-Венгрии, вынашивал проект сепаратного мира с Антантой, который позволил бы Австро-Венгрии сохранить территориальную целостность, и даже пытался вести по этому поводу переговоры с правительствами стран Антанты.

Пока шел торг по вопросу территорий, Советская Россия стремилась изменить ситуацию на Украине в свою пользу. И вот 7 февраля Троцкий получил возможность предъявить козырную карту: «Я довел до сведения делегации Центральных империй радиотелеграмму Ленина о том, что советские войска вступили в Киев 29 января,... что Центральный исполнительный комитет Советов Украины провозглашен высшей властью страны, что украинским правительством приняты: федеративная связь с Россией и полное единство в деле внутренней и внешней политики» [2, с. 363]. Далее Троцкий сообщает Кюльману и Чернину, что они «договариваются с делегацией правительства, вся территория которого ограничивается пределами Брест-Литовска» [2, с. 363].

Учитывая изменившуюся ситуацию в Киеве, во время пребывания Л. Троцкого в Петрограде было решено попытаться добиться устранения делегации Центральной Рады

от переговоров в Бресте, а вместо этого договориться с западными партнерами об участии в конференции делегации Советской Украины. «Но немецкое правительство, или вернее, немецкое командование уже решило к этому времени занять Украину своими войсками, — с сожалением констатирует Троцкий, — дипломатия Центральных империй только заготавливала для немецких войск проходное свидетельство» [2, с. 363]. Очевидно, что таковым Троцкий считает мирный договор от 9 февраля между Украинской Народной Республикой и Центральными державами.

Можно согласиться с обвинениями Троцкого в адрес Центральных держав в хитрости и лицемерии. Однако, вполне очевидно, что и представители Советской России преследовали несколько целей одновременно: заключение мира и разжигание революционного пожара в Европе, проявляя при этом пренебрежение к одному из ими же провозглашенных принципов — право наций на самоопределение.

Литература

1. Джон Рид. Десять дней, которые потрясли мир // Октябрьская буря / сост., вступ. статья В.И. Старцева. — М.: Молодая гвардия, 1987. — 636 с.
2. Троцкий Л. Д. Моя жизнь: опыт автобиографии / Л.Д. Троцкий; Тт. 1–2. — М.: Панорама, 1991. — 624 с.
3. Ф. Сефтон Делмер «Я СДЕЛАЛ УКРАИНУ» / интервью М. Гофмана газете «Daily Mail». — [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://yadocent.livejournal.com/1013106.html>. — Дата доступа: 01.02.2018.